

Барнаульский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия
E-mail: vboyko2001@yahoo.com

АФГАНИСТАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА М. ХАШИМ-ХАНА

В фокусе данной статьи – один из наименее изученных эпизодов новейшей истории Афганистана; анализируются особенности внутренней и внешней политики правительства М. Хашим-хана во второй половине 1930-х гг., когда в стране после гражданской войны 1929 г. наступила временная стабилизация и сформировался авторитарно-олигархический режим братьев убитого короля М. Надир-шаха, главной фигурой которого был премьер-министр М. Хашим-хан.

Ключевые слова: афганият, ширкет, пуштуны, амануллисты, семейно-клановая олигархия, сардарства, республиканцы, Хашим-хан.

К началу 1930-х гг. Афганистан был одним из немногих независимых государств Востока, его внешнеполитическое положение отличалось устойчивостью связей с соседями и партнерами, но во внутренней политике ощущались последствия гражданской войны («революции») 1929 г., в ходе которой был свергнут монарх-реформатор Аманулла-хан и его заменил на троне умеренный представитель афганской аристократии (сардарства) Мохаммад Надир-хан. Но борьба за власть в центре и на местах продолжилась, ее основными участниками были представители различных кланов и группировок афганской элиты, а также новые политические силы и отдельные фигуры, выдвинувшиеся в ходе «революции» 1929 г. Осенью 1933 г. в отместку за репрессии против своих противников был убит новый король Надир-шах; трон перешел к его сыну Захир-шаху, но фактическим правителем страны стал один из братьев убитого короля, глава правительства М. Хашим-хан.

Хотя основные внешнеполитические акции Афганистана 1930-х гг. хорошо известны научному сообществу, в предвоенной истории афганской дипломатии остается немало белых пятен, еще больше их в политической летописи афганского государства. Историография проблемы исчерпывается работами американских востоковедов Л. Адамека и В. Григоряна, а также российского афганиста В. Г. Коргуна, не учитывающими вновь открытых источников и обстоятельств [Коргун, 1979; 2000; Gregorian, 1969; Adamec, 1974]. Данное исследование базируется на материалах Архива МИД РФ и Национального Архива Великобритании, в том числе его специальной коллекции – трофейных документах внешнеполитического ведомства фашистской Германии.

С середины 1930-х гг. внутривнутриполитическая ситуация в Афганистане постепенно стабилизировалась, главным образом, за счет ужесточения политического режима и ущемления прав определенных социальных и национальных групп. Тяготы такой политики в наибольшей степени испытало население Северного Афганистана: весной 1935 г. в г. Мазари-Шарифе губернское собрание под нажимом министра внутренних дел М. Гуль-хана вынесло решение об отводе земель пуштунам в районе Балха и Ахчи¹. Конфискация хорошо орошаемых земель коренных жителей (узбеков и таджиков) в пользу переселенцев-пуштунов (часть их проживала и ранее в провинции в полукочевом состоянии, другая пришла из Джелалабада) откровенно выражала колониаторскую политику правительства Захир-шаха в северных районах страны, проводимой в интересах этнического большинства. Планировалось переселить с юго-востока на север Афганистана до 100 тыс. чел., причем на льготных условиях, с выдачей на семью ссуды в 3,3 тыс. афгани и предоставления участка не менее 3 га. Но пуштуны,

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. «Референтура по Афганистану». Оп. 22, папка 192, портфель 4. Л. 22, 24, 28.

не привычные к ведению оседлого хозяйства, вскоре ушли со стадами в горы, бросив оставшиеся им даром земли, что только усилило недовольство старожилков.

Не довольствуясь традиционным политико-демографическим приемом – переселением пуштунов на север страны, власти продолжали укрепление своей военной опоры – армии, которая оставалась слабым местом нового режима. Например, для укрепления дивизии, базировавшейся в Мазари-Шарифе, потребовалось набрать 120 чел. (80 кавалеристов и 40 пехотинцев). Их можно было выставить или нанять за плату по схеме 1 пехотинец от 12 домов и 1 кавалерист от 24 домов. Домовладения, в которых проживали мужчины 18–40 лет, выплачивали за каждого из них 60 афгани в пользу армии, наем пехотинца обходился в 720 афгани, кавалериста – 1 440 афгани². Комплектация армии происходила с большими трудностями, когда зимой 1940 г. начался призыв на военную службу киргизов Афганского Вахана в возрасте от 20 до 45 лет, местное население попыталось откупиться деньгами и скотом, хотя около 100 чел. все же угодило в солдаты. Однако 16 марта 1940 г. население района Вахджир восстало против властей, выставив на перевалах вооруженные посты с целью не допустить афганские войска.

Одним из первых инициативу оздоровления армии предпринял командующий центральным корпусом М. Дауд, двоюродный брат короля и будущий премьер-министр и президент Афганистана – так, впервые взамен выплаты символических «кормовых» было организовано питание солдат. Предстояло полностью перестроить армейский организм на более современный лад, поскольку помимо угроз внутренней стабильности, на ликвидацию которых обычно направлялись и регулярные войска, и племенные ополчения, возникли угрозы внешние. Общая численность армии в конце 1930-х гг. составляла 72–73 тыс. чел. (в том числе 3 тыс. офицеров). Основным видом вооружения были пятизарядные винтовки с 500-патронным запасом на человека, причем части на севере были вооружены преимущественно английскими образцами, а на юге и в центре – российскими. На вооружении армии находилось 373 орудия, небольшое количество американских бронированных тракторов «Катерпиллар» и итальянских танкеток, 54 самолета, большая часть из которых не была пригодна к использованию³.

Хотя международное положение Афганистана к середине 1930-х гг. укрепилось (договор о нейтралитете с СССР 1931 г., членство в Саадабадском пакте 1937 г. и др.), в структуре внешних связей афганского государства были и конфликтные узлы. Одним из таких узлов стали афгано-иранские отношения – их традиционная холодность, укоренившееся в сознании персов чувство исторического и культурного превосходства над афганцами дополнялись периодическими пограничными конфликтами с соседом. В конце 1934 – начале 1935 г. крупный инцидент произошел в районе Зурабада, на стыке границ Афганистана, Ирана и СССР. Начало ему положил переход в Афганистан 25 белуджских семей, которые последовали за своими сородичами, перебравшимися в Афганистан еще в сентябре 1934 г. По версии персов, афганский отряд численностью 500–600 чел. насильственно увел белуджей. Их оппоненты полагали, что все дело в нерешенности племенного вопроса в Иране – умеренно-реформаторский режим Реза-шаха не учитывал интересов национальных меньшинств.

Но внутривосточные составляющие не отменяли существа проблемы в межгосударственном измерении – фактическим объектом претензий персов была часть территории без единого собственно персидского поселения. Вместе с тем на данной территории пролегали маршруты сезонных афганских кочевков, афганцы же добывали здесь горные породы. К концу января 1935 г. «зурабадский» конфликт был урегулирован в результате переговоров при посредничестве турецкой арбитражной комиссии: персидская сторона потребовала привлечь нарушителей к ответу и выплатить значительную материальную компенсацию, но не смогла доказать вины афганцев.

В середине 1930-х гг. обострилась обстановка на рубежах Центральной и Восточной Азии. Крупномасштабное восстание мусульманских народов китайской провинции Синьцзян грозило превратиться в конфликт с международными последствиями – его вожди ставили вопрос о создании независимого государства. Афганские власти не препятствовали выезду в

² Там же. Оп. 17, папка 177, портфель 29. Л. 69.

³ Там же. Оп. 22, папка 192, портфель 4. Л. 174.

районы восстания среднеазиатских эмигрантов, конфессионально, а нередко и этнически близких населению Северо-Западного Китая. Более того, премьер-министр Хашим-хан и лично король Захир-шах принимали представителей восставших в январе 1934 г. Делегация, прибывшая из Кашгара, рассчитывала установить официальные отношения с Афганистаном, получить помощь деньгами и оружием. Как считал советский посол в Кабуле Л. Старк, афганское правительство, формально занимая нейтральную позицию, «с большими симпатиями» относилось к созданию в Синьцзяне независимого от Китая мусульманского государства, а предводитель повстанцев Ходжа Нияз пользовался большим авторитетом в Афганистане⁴. Афганская территория использовалась как перевалочная база для многих политических волонтеров, желающих помочь повстанцам Кашгара – турок, среднеазиатских эмигрантов⁵.

Кашгарцы, прибывшие в Кабул, встретились также с германским посланником, другая делегация направилась в Пешавар, где установила связь с руководством Союза спасения Бухары и Туркестана⁶. Вовлеченность Афганистана в синьцзянские дела сохранялась и после прекращения восстания 1931–1934 гг. В июне 1935 г. в Кабуле вновь побывали эмиссары из Урумчи для вербовки среднеазиатских эмигрантов и отправки их в Синьцзян. Представители повстанцев были приняты в афганском МИДе, а также связались с японской миссией в Афганистане. Их хлопоты были небезуспешны – по сведениям Наркомата внутренних дел СССР в 1937 г. в г. Хотан из Афганистана прибыла группа среднеазиатских эмигрантов, возглавляемая курбаши Камильджаном – выходцем из Узгения⁷. Еще раньше в Синьцзян «бежал» другой, гораздо более известный курбаши Файзул (Фузайл) Максум.

В середине 1930-х гг. заметно активизировали свою афганскую политику Германия и Япония, причем германскую сторону привлекал северо-восток (Кунар, Кафиристан, Бадахшан – фактически закрытые для иностранцев зоны). Именно в Германии для проведения денежной реформы 1935 г. афганское правительство разместило заказ на печатание бумажных денег, причем этот шаг властей был неодобрительно встречен афганским купечеством⁸. Выразителями курса на расширение политико-экономических связей с Германией, в том числе ценой дистанцирования от Англии, были так называемые «молодые» – группа в составе принца М. Наима, министра национальной экономики Абдул-Маджида Забули и др., пользовавшаяся поддержкой короля.

Японцы проявляли особый интерес к северным районам и Гератской области Афганистана. Сотрудники японской дипломатической миссии в Кабуле выступили с предложением послать в Японию группу афганских студентов на условиях бесплатного обучения и содержания. Американцев, только что открывших свое представительство в Афганистане, больше занимал вопрос о наличии запасов нефти в Герате и других провинциях запоздало признанной ими страны. Нефтяную тему поставило само афганское правительство, которое добивалось получения американского займа на разработку нефтяных месторождений, но, в конечном счете, отказалось от заключения соответствующего соглашения. Возобладала установка на создание национальных акционерных обществ (ширкетов) без участия иностранного капитала. К концу 1930-х гг. в Афганистане существовало около 50 ширкетов (монополий) с общим капиталом более 100 млн афгани⁹, при этом активы крупнейшего ширкета «Асхаме-Несаджи» (создан в Кабуле в 1936 г.) составляли 51 млн афгани. Это акционерное общество успешно торговало каракулем, сахаром, нефтью, впервые ввело выдачу дивидендов (частью деньгами, а частью – новыми акциями).

Такой курс был нацелен на «выдавливание» индийских купцов, которые не только контролировали товарные потоки из Британской Индии, но и замыкали на себя большую часть финансовых операций и выполняли на внешних рынках роль посредников. Одновременно вытеснялись или заменялись на более выгодные товарные компоненты иностранной экономической активности внутри Афганистана – например, англо-индийская мануфактура заме-

⁴ Там же. Оп. 16, папка 171, портфель 6. Л. 106.

⁵ Так, осенью 1933 г. из Кабула в Кашгар отбыл турок Мустафа Али, он же вел переговоры о закупке для повстанцев 4 тыс. винтовок. См. АВП РФ. Ф. «Референтура по Афганистану». Оп. 17, папка 177, портфель 29. Л. 117.

⁶ Там же. Оп. 16, папка 171, портфель 6. Л. 117.

⁷ Там же. Оп. 19, папка 182, портфель 5. Л. 44.

⁸ Там же. Оп. 17, папка 177, портфель 29. Л. 89.

⁹ Там же. Оп. 19, папка 182, портфель 2. Л. 150.

нялась японской и т. п. Все шире практиковались такие формы хозяйствования, как кредитование новых производств из-за границы (Германии, Великобритании), изыскание и разработка полезных ископаемых (силами смешанной афгано-немецкой компании).

Госбюджет Афганистана образца второй половины 1930-х гг. имел следующую структуру: по разделу доходов 45 % давала торговля, 40 % налоги, 15 % почта и телеграф. В расходах до 30 % отводилось на военные нужды, а 10 % аккумулировалось в специальный резервный фонд ¹⁰.

Отраслевые приоритеты собственно экономической программы правительства в 1930-е гг. включали меры по увеличению посевных площадей путем строительства ряда плотин, главным образом, в юго-восточных районах. Еще один ресурс развития должны были составить технические культуры – хлопководство и шелководство. Например, сбор хлопка планировалось увеличить с 20–30 до 60 тыс. т. Но порча посевов насекомыми-вредителями заставила проектантов сократить производство хлопка на юге и вообще его свернуть на востоке. Основная нагрузка выполнения хлопковой программы лежала на узбеках – эмигрантах из советской Средней Азии, которые имели соответствующий опыт и навыки.

Аграрный сектор имел многоукладную конфигурацию: по состоянию на 1940 г. (ориентировочные данные) государственные земли составляли 30 %, помещичьи 30 %, в распоряжении крестьян находились оставшиеся 40 %, причем это соотношение имело региональные особенности – например, в Кандагарской провинции насчитывалось до 20 % безземельных крестьян. Все еще значительное место в аграрных отношениях занимали натуральные налоги, хотя на севере, где был более распространен наемный труд, они составляли не более $\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{9}$ урожая, причем здесь же более распространенной была выплата издольщины деньгами (150–180 афгани) ¹¹. В некоторых областях Афганистана (например, в Гератской провинции) сохранялась общинная земля и налогом облагалась вся община, а не отдельные работники.

Основной задачей промышленности считалось удовлетворение потребностей страны в хлопчатобумажных тканях и сахаре, так как эти товары занимали основное место в импортных закупках. Задачу предполагалось решить за счет строительства текстильного комбината в Пули-Хумри и сахарного завода в Баглане, что и было сделано в начале 1940-х гг.

Политическая ситуация того времени не отличалась особой стабильностью, но установленный в Афганистане суровый полицейский режим дал свои результаты – резко ослабела оппозиция, особенно амануллистское крыло. И все же протестный потенциал в стране сохранялся. Правительство не испытывало доверия к населению Афганского Туркестана, а также Кабульской области, населенной преимущественно таджиками-шамали, некогда составившими базу движения Бачаи Сакао, занимавшего с января по октябрь 1929 г. трон в Кабуле. Однако уроки «революции» 1929 г. были еще свежи в умах и властей, и оппозиции, а потому перспективы широкого национального движения оставались неопределенными. Но в середине 1930-х гг. обострилась ситуация в некоторых районах проживания пуштунских племен. Хотя политические наследники Надир-шаха в лице его братьев и их близкого окружения проводили осторожную линию по отношению к племенам, им не удалось разрешить весь комплекс проблем кочевого населения и титульного этноса страны. Летом 1935 г. в районе Кунара и Кугиани произошли восстания племен сафи и момандов, еще одна попытка антиправительственного выступления была предпринята в Майдане, где муллы и их мюриды, всего около 600 чел., выразили недовольство открытием в Кабуле кинотеатра и другими культурными акциями властей. Правительство направило к ним для переговоров влиятельного религиозного лидера Шир Ага Моджадди, и именно Кабулу пришлось в конечном счете уступить, отложив начало эры публичного кинематографа ¹².

Одно из самых крупных антиправительственных выступлений конца 1930-х гг. было инициировано пуштунами племени сулейманхель в районе Катаваза. Главной причиной их недовольства стал нейтралитет кабульского режима в борьбе племени вазиров против англо-индийских властей. Восстание началось в разгар лета 1937 г., в нем приняли участие 5–8 тыс.

¹⁰ Там же. Л. 142.

¹¹ Там же. Л. 152.

¹² Там же. Оп. 18, портфель 6, папка 178. Л. 58, 68.

чел. Правительство бросило в Катаваз центральный корпус, два полка гвардейской дивизии, бронечасты и два самолета. Их поддерживали соединения кандагарской и газнийской дивизий и южного корпуса, базировавшегося в Гардезе, общей численностью до 15 тыс. чел. Правительственные силы начали атаки 2–3 августа и обратили повстанцев в бегство. Положение на некоторое время изменили вазиры, которые 7 августа неожиданно разгромили правительственный полк¹³. Премьер-министр Хашим-хан обратился за помощью в Восточную провинцию, но основная поддержка поступила от англичан – кабульский режим вновь был спасен, в этот раз надолго. И все же целая серия восстаний пуштунских племен, происшедших в течение нескольких предвоенных лет: шинвари (1938 г.), дуррани (март 1939 г.), афридиев (сентябрь–октябрь 1939 гг.), – свидетельствовала о серьезных проблемах в отношениях между властью и этническим большинством Афганистана. Их причинами были мероприятия правительства по разоружению, подчинению племенной верхушки, борьбе с контрабандой, а также отказ Кабула поддерживать племена приграничной полосы Британской Индии в борьбе против колониальных властей.

Определенную опасность для существующих порядков представляли спорадические выступления мулл. В целом афганское духовенство было удовлетворено исходом гражданской войны, но оно не мирилось даже с фактами умеренно-либерального реформаторства. Так, муллы Тагао в 1940 г. выдвинули детальную программу, призванных скорректировать внутреннюю политику Хашим-хана: от мелких требований (недопустимость изображения короля на денежных знаках, стрижки усов) до посягавших на основы проводимого курса (прекращение деятельности Афганского национального и государственного банков, закрытие женских школ, кооптация в местные совещательные органы улемов вместо избранных депутатов).

Репрессии правящего режима и его определенные успехи в социально-экономическом развитии Афганистана не устранили коренных причин сохраняющегося общественного недовольства. Помимо традиционных для любого афганского правительства проблем с племенами, столь же традиционно непростых отношений с духовенством, власти не могли разрешить противоречий социально-экономического развития. Курс Хашим-хана и его окружения на стабилизацию положения в стране преимущественно бюрократическими методами задевал интересы не только традиционных, но и других социальных групп. Так, среднее и мелкое купечество было недовольно *ширкетиризацией* (монополизацией) экономики, ограничением торговли с Британской Индией, повышением налогов. Внешнеторговый оборот Афганистана сократился с 400 млн афгани в 1936/37 г. до 250 млн афгани в 1938/39 г., цены на сырье упали на 40 %, обвал пережила национальная валюта афгани – ее содержание с 1938 по 1940 г. снизилось на 42 %¹⁴.

Но даже эти трудности не трансформировали недовольство в стране в организованное протестное движение партийного или иного типа. Реальным измерением оппозиции конца 1930-х – начала 1940-х гг. было лишь «более или менее значительное количество одиночек или даже небольшие группы амануллистов (среди интеллигенции, купечества, племен и национальных меньшинств)»¹⁵. О реальных масштабах сил и настроений в пользу бывшего короля судить очень сложно – режим Хашим-хана наложил табу на само имя Аманулла-хана, специальным решением обеих палат парламента он был лишен афганского гражданства. Тем не менее фактор монарха-изгнанника не сбрасывался со счетов, не исключалась и угроза нового рывка амануллистов к власти или, по крайней мере, попытки нанести ущерб династии Надиров. К их сторонникам причисляли целый круг влиятельных лиц: Мирза Али Мухаммада (министра иностранных дел), Абдул Маджида Забули (министра национальной экономики), Мирза Мухаммада (министра финансов). Еще большую угрозу представляла некая *Республиканская партия*, якобы ожидающаяся начала выступления одного из своих ключевых членов, бывшего генерал-губернатора Гератской провинции Абдулрахим-хана, на тот момент – помощника премьер-министра в ранге министра без портфеля. Его рассматривали как возможного президента, но сами «республиканцы» считали Абдулрахима временной фигу-

¹³ Там же. Л. 266, 293–294.

¹⁴ Там же. Оп. 22, портфель 4, папка 192, л. 22.

¹⁵ Там же. Л. 27.

рой. В ядро партии входили Мухаммад Гуль-хан – председатель комиссии по реформам в северных провинциях¹⁶, Саид Хасан-хан, один из высших офицеров Кунарской провинции, Шамсуддин Бадшах, сотрудник Афганнацбанка, и др.

Самостоятельной политической величиной в то время стала афганская эмиграция в Германии и Италии, а также Турции, представленная видными сторонниками Амануллы (Гулям Сиддик Чархи и др.), и в меньшей степени – им самим. Амануллистам приписывалось сотрудничество с СССР, утверждалось даже, что советская сторона использует их для реализации своего плана раздела Афганистана на три части, одну из которых, а именно Герат, якобы предполагалось «вернуть» Ирану, в обмен на борьбу иранцев против Великобритании¹⁷.

Подозрения британской дипломатии в отношении афганской политики СССР не мешали обеим странам сотрудничать на рубежах Западной и Центральной Азии. По мере нарастания угрозы мировой войны англичане все сдержаннее относились к факту существования и деятельности на территории Британской Индии «Общества мухаджиров Бухары и Туркестана», объединявшего в своих рядах участников так называемого басмаческого движения (1918–1926 гг.) и движения Ибрагим-бека Локая в Афганистане (1930–1931 гг.). После ряда внутренних стычек и поражения военных формирований среднеазиатской эмиграции от афганской и Красной армий их часть отступила в Индию, где в 1934 г. и было создано «Общество». К концу 1930-х гг. в его рядах насчитывалось всего 50 чел., одним из немногих выражений активности была публикация журнала «Тарджуман» антисоветского содержания¹⁸. Но в 1939 г. британские власти сочли нежелательной даже возможность распространения антисоветской литературы в Афганистане, а британской и советской разведкам в дальнейшем удалось совместно разрушить крупномасштабные военно-политические планы фашистской Германии в центрально-азиатском регионе.

После начала Второй мировой войны Афганистан оказался одним из тайных фронтов глобального конфликта, хотя осенью 1941 г. была проведена чрезвычайная джирга, подтвердившая официальный нейтралитет. Но часть афганской элиты симпатизировала фашистской Германии и даже была готова к военно-политическому сотрудничеству. Такие настроения объяснялись долголетним и тесным межгосударственным взаимодействием Афганистана и Германии, влиянием нацистской пропаганды, деятельностью германской разведки, противоречивостью обстановки на фронтах, а также внутриафганскими факторами – пуштунским национализмом верхов (*афганият*), ставшим официальной идеологией режима Хашим-хана и т. д.

Активную политику проводила Германия, в течение лета-осени 1939 г. направившая на территорию Афганистана специалистов различного профиля, которые должны были стать звеном в разжигании внутриафганского конфликта. Именно в Германии сформировалась самая крупная эмигрантская группировка, выступавшая под лозунгами амануллизма, руководил которой Гулям Сиддик Чархи, бывший министр иностранных дел в одном из последних правительств Амануллы. Группа Чархи разрабатывала разные варианты борьбы с кабульским режимом, включая восстановление на троне Аманулла-хана, сам он поддерживал регулярные контакты с сотрудниками германского МИДа и других ведомств, которые в течение ряда лет с аналогичной целью готовили план «Аманулла». Германское военно-политические и дипломатические круги рассчитывали на группу Г. С. Чархи (только в 1940 / 41 и в 1942 гг.

¹⁶ Эту версию со ссылкой на британские источники приводит афганский историк Х. Какар, считающий М. Гуль-хана наиболее влиятельным в стране человеком за пределами королевской семьи. По его мнению, М. Гуль-хан утратил расположение премьер-министра и готовил республиканский переворот, намеченный на 1939 г. Со ссылками на переписку британских дипломатов объясняется и отказ «республиканцев» от своей затеи – якобы «начало войны и боязнь русского вторжения в Афганистан убедили лидеров партии в том, что это не подходящий момент для раскола страны изнутри» [Какар, 1978. Р. 197]. При этом он сокрушается, что дальнейшую судьбу «республиканской» традиции нельзя проследить из-за закрытости британских документов, и в качестве нового предполагаемого импульса «республиканизма» консервативного толка называет Пакистан. Недавно опубликованные и стационарные архивные документы МИДа и других государственных структур Великобритании не подтверждают этой версии.

¹⁷ National Archives of the United Kingdom, Foreign Office files. 371/23632 15th December 1939. P. 335.

¹⁸ Ibid. 371/23632 15th August 1939 Activities of the Anjuman-i-Ittihad-i-Muhajrin, Bukhara and Turkistan. P. 152.

ему было выдано соответственно 3 и 12 тыс. марок)¹⁹, хотя им приходилось учитывать и негативную реакцию кабульских властей – по-своему перспективных для рейха партнеров на Востоке. При негласной поддержке германской стороны в Турции состоялось несколько встреч Гулам Сиддика и Амануллы, в некоторых из них участвовал и известный своими прогерманскими симпатиями великий муфтий Иерусалима аль-Гейлани.

Несколько членов большой семьи Тарзи обосновались в Турции, где ее глава, некогда главный идеолог младоафганского движения и первый министр иностранных дел независимого Афганистана, находился на положении почетного гостя президента К. Ататюрка. Он отошел от активной политики и умер в 1933 г., а некоторые его бывшие соратники возобновили свою активность на этом поприще под эгидой стран «оси» и их явных или скрытых союзников. Важными звеньями афганской эмигрантской сети, помимо Германии, были Турция и Сирия.

Изучение недавно открывшихся для исследователей архивных документов, главным образом, советского и британского происхождения, показывает, что клану М. Надир-шаха, объединенному его смертью и угрозами со стороны оппозиции, репрессивными мерами и усилениями экономического характера удалось не только сохранить, но и укрепить свою власть в Афганистане на долгие годы. Однако семейно-олигархический характер режима, возглавляемого главой правительства М. Хашим-ханом, порождал новые противоречия внутри элиты и в постепенно меняющемся афганском обществе. Вторая мировая война воспрепятствовала их разрешению, хотя объективный ход развития Афганистана подготовил первые либеральные перемены уже в 1940-е – начале 1950-х гг.

Список литературы

Коргун В. Г. Афганистан в 20–30-е годы XX в.: страницы политической истории. М.: ГРВЛ, 1979. 158 с.

Коргун В. Г. Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана (1919–1999 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук, М., 2000. 48 с.

Adamec L. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-20th Century: Relations with USSR, Germany, and Britain. Tucson: Univ. of Arizona Press, 1974. 324 p.

Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan: Politics of Reform and Modernization, 1880–1946. Stanford: Stanford Univ. Press, 1969. 586 p.

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973 // *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978. Vol. 9. No. 2. P. 195–214.

Материал поступил в редколлегию 31.08.2008

Vladimir S. Boyko

Afghanistan in the second half of 1930s: domestic and foreign policy of Hashim-khan government

This paper is focused on one of ill-explored episodes of Afghanistan's recent history – it analyses the features of domestic and foreign policy of M. Hashim-khan government in second half of 1930s, when after civil war of 1929 temporal stabilization came and authoritarian-oligarchic regime by brothers of assassinated king M. Nadir-shah (with premier-minister M. Hashim-khan as leading figure) was formed.

Keywords: afghaniyat, shirket, Pashtuns, amanullists, family-clan oligarchy, sardars, republicanists, Hashim-khan.

¹⁹ National Archives of the United Kingdom, German Foreign Ministry files. 33/380 30 May 1942, Beziehungen zu Ghulam Siddiq Khan und Amanullah.